

Алиса Лиман

**ИЗМЕНА.
Я ТЕБЯ НЕ ОТПУСКАЛ!**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л58

Л58   **Лиман А.**
Измена. Я тебя не отпускал! / Алиса Лиман – М.: Литнет, 2026. — 110 с.

ISBN 978-5-521-99857-9

Вхожу в кабинет мужа и дурацкое слово «Сюрприз!» — застывает комом в горле, когда я вижу, как мой любимый ритмично покачивает на своем столе фигуристую блондинку.

— Герман, ты нам поесть заказал? — стонет она.

— Глупости, — даже не прекращает движений муж.

— Девочка, ты ошиблась этажом, — усмехается дрянь.   Видишь, мы заняты!

Я вижу. Как он замирает. Как его голова слегка поворачивается вполоборота, и как дергается челюсть, будто он стискивает зубы, уже догадываясь, кто стоит за спиной.

Мне почему-то становится до дрожи в коленях страшно, что он повернется. Выскакиваю за дверь и отчетливо слышу голос мужа:

— Черт, Женья!

Пальцы сжимают коробку от торта, к которой прикреплен крохотный снимок УЗИ — лучший подарок мужу на годовщину...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99857-9

© Литнет, 2026
© А. Лиман, 2026

Глава 1. ОНА

Лифт едет слишком медленно. Меня распирает от желания поскорее увидеть любимого и поделиться с ним восхитительными новостями. Мы так долго этого ждали!

Выскакиваю на этаже, и семеню по длинному коридору, стараясь не растрясти свою ценную ношу — небольшой торт, который я собственноручно приготовила на нашу годовщину и рассчитываю съесть его вместе с мужем за ужином. Он сказал, что задержится — работы много, поэтому я решила устроить ему сюрприз.

Останавливаюсь в приемной, чтобы перевести дыхание. Ну вот, офис пуст, даже секретаря уже не видно. Но Герман у меня такой трюдоголик, с работы не выгонишь.

Улыбаюсь, предвкушая его тёплую улыбку при виде меня. Он точно будет ворчать, что я слишком вкусно готовлю, и из-за меня ему придется снова потеть в спортзале. Ну ради такого тела как у него грех не попотеть. Как же мне повезло с мужем. Он нежно поцелует меня в лоб, и уткнется носом в мою макушку. А уж что с ним будет, когда я расскажу ему последние новости...

Не могу сдержать предвкушающей улыбки. Официально заявляю: сегодня лучший день в моей жизни!

Берусь за ручку двери и тихонько открываю, чтобы не испортить раньше времени сюрприз. Может стоило пока спрятать торт? Ладно, и так сойдёт.

Вхожу в кабинет, и дурацкое слово «Сюрприз!» — застывает комом в горле, когда я вижу, как мощные бедра моего любимого ритмично вдальбливаются в тело, распятое на массивном столе.

И правда... сюрприз. Я думала такое бывает только в дурацком кино. Может это вовсе и не он??? Спокойно, Женя! Только без обмороков раньше времени! Это просто не может быть Герман.

Кажется, с моих губ даже срывается нервный смешок, который

очевидно и привлекает внимание блондинки, поскуливающей под моим мужем. Она поднимает на меня затуманенный взгляд:

— Ой, Герман, ты нам поесть заказал? — звучит как приговор из ее уст. Она назвала его по имени...

Я начинаю задыхаться от слез. Ноги становятся ватными. Уши закладывает от шока, будто меня контузило, но даже защитная реакция не помогает мне спрятаться от суровой действительности.

— Глупости, — отмахивается он, не прекращая нетерпеливых движений вглубь блондинки.

Я не могу поверить своим ушам: это его голос... Это совершенно точно он! Как такое могло случиться с нами?! Со мной???

Я будто онемела, обмерла вся как статуя. Не могу пошевелиться. Не могу перестать смотреть как мой муж предаёт нашу семью...

Он двигается жестко. Грубо шлепает свою шлюху по заднице, прихватывает ее за шею и вколачивается в ее тело так, как никогда не делал со мной.

— Девочка, так и будешь пялиться? — усмехается потаскуха. — Очевидно, ты ошиблась этажом. Видишь, мы заняты!

Я вижу. Я все вижу. Как он замирает. Как напрягаются мышцы на его обнаженной спине. Как его голова слегка поворачивается вполоборота, и как дергается челюсть, будто он стискивает зубы, уже догадываясь, кто стоит за спиной. Видимо затылком учуял неладное.

Как ты мог, Герман? За что ты так со мной?

Но я не могу и звука издать. Мне почему-то становится до дрожи в коленях страшно, что он повернется. Я чувствую, что если загляну в его предательские глаза, то пути назад уже точно не будет. Будто сейчас он есть, идиотка!

Выскакиваю за дверь обратно в приемную и отчетливо слышу голос мужа вдогонку:

— Черт, Женя!

Пальцы до скрипа сжимают картон коробки от торта, к которой

прикреплен крохотный снимок УЗИ — лучший подарок мужу на годовщину. Так я считала всего десять минут назад, прямо перед тем, как мой мир разбился вдребезги...

Хочется бежать сломя голову, но эта самая голова так кружится, что я не успеваю даже добежать до спасительного лифта, как меня подхватывают сильные руки мужа.

Герман разворачивает меня к себе и внимательно вглядывается в лицо:

— Ты зачем здесь, малыш? — его сбившееся дыхание и обнаженный торс напоминает мне о том, что видимое мною секунды назад было в реальности. В моей мерзкой жестокой реальности.

И вроде голос все тот же, и интонация, даже черты лица... но я будто впервые вижу этого человека.

— Я ведь просил никогда не приходить без звонка! — кажется злится.

— Теперь я поняла... почему, — до боли прикусываю губу.

За его спиной из кабинета вытекает включенная блондинка, одергивающая одежду:

— Любимый, это кто?

«Любимый... Любимый...» — болью пульсирует в голове.

— Дос-ставку заказывали? — меня трясет, я глотаю слезы, глядя в его черные глаза и не могу сдержать нервную улыбку.

Я читала, что такая реакция в патовых ситуациях называется улыбкой Джокера. Мне хочется смеяться мужу в лицо, рыдать до хрипоты, и бить кулаками ему в грудь! Но я не могу себе позволить так унизиться перед его шлюхой.

— Гермяш, ты заказал нам торт? — скептически спрашивает блондинка.

— Ты решил так отметить нашу годовщину? Я вообще рассчитывала на ресторан, ты же знаешь, я сладкое не ем, иначе...

— Закройся, Света! — рычит Герман грудастой, не отводя от меня изучающего взгляда. Будто я его подопытный кролик

и он оценивает мою реакцию.

Годовщина значит? И с ней тоже? Вот так совпадение!

— И сколько вы уже вместе? — на удивление ровным голосом спрашиваю, хотя сохранить собственное достоинство мало получается, потому что я знаю, что он чувствует, как меня трясет.

— Сегодня как раз месяц! — довольно сообщает шлюха и разве что в ладоши не хлопает от счастья.

Герман все следит за моей реакцией, будто ждёт, что я, по меньшей мере, упаду в обморок. Но вместо этого я лишь болезненно усмехаюсь:

— Что ж, поздравляю... — пожимаю плечами. — Месяц — это конечно не год, но у вас все еще впереди. В отличие от нас. Да ведь, Гермаяяш? — с презрением растягиваю стремную версию его имени, озвученную блондинкой.

— Точно. Годовщина, — Герман хмурится еще сильнее, видимо наконец вспомнив о нашем празднике. — Ты поэтому пришла?

— А разве теперь имеет значение почему? — дыра в груди становится больше, когда я понимаю, что уже никогда не скажу ему то, зачем пришла, никогда не увижу его счастья в ответ.

— Света, срочно закажи моей жене букет цветов, и столик в ресторане!

— Герман, ты сейчас серьезно? — блондинка явно реагирует порасторопней, чем я со своим обездвиженным сознанием. Все, что могу я — брезгливо глядеть на него, и глотать слезы:

— Отпусти меня, Герман... — умоляю.

— Никогда, — отвечает он на полном серьезе, сжимая мои плечи своими ручищами еще сильнее. — Не глупи, малыш, ты же понимаешь, что это тупая физическая разрядка. Не делай того, о чем сама потом пожалеешь. Тебе ведь все равно даже идти некуда. Хочешь, я уволю ее прямо сейчас?

— Вот еще глупости какие! — иронизировать выходит хреново. — Ты ведь так долго искал толковую секретаршу! За последний

год с десяток перебрал, — меня тошнит от осевшего открытия: — Так все они... Ты их ВСЕХ...

По его глазам вижу ответ. Но вслух он говорит совсем другое: — Не нужно, малыш. Не накручивайся себя.

Дергаюсь, высвобождаясь из его рук и хочу впечатать чертов торт в него. Но мерзавец успевает увернуться.

Хочу сбежать. Умереть! Исчезнуть!

Но он не позволяет. Ловит меня как куклу. Подхватывает на руки. Бросает взгляд на блондинку:

— Чай на травах в мой кабинет! Быстро! — с этими словами он заносит меня в помещение, пропахшее его предательством.

— Почему, Герман? — не выдерживаю я, когда мы остаемся наедине и взрываюсь истерикой. — За что ты так со мной?

Он усаживает меня на диван и опускается на корточки напротив. Молчит, предатель.

— За что?! — кричу ему в лицо. — Просто ответь и я уйду!

— Разве ты сама не понимаешь? — как-то устало отвечает, будто все и правда слишком очевидно.

— Просвети меня!

— Просто посмотри на себя, — звучит как удар под дых. — И на меня.

О, ну да. Он центнер чистого тестостерона, владелец собственной компании с миллиардным оборотом, красивый и умный мужчина. А я... серая мышь с первым размером груди, воспитанная бабушкой в строгости и доставшаяся ему по завещанию его родителей.

Признаться, я с первого дня нашего знакомства была уверена, что не достойна его. Не подхожу по целому списку пунктов. Поэтому из кожи вон лезла, чтобы угодить своему богоподобному мужу. Его деньги тратила исключительно рационально, прокачала свои навыки готовки и глажки его рубашек до уровня профи. И он был так добр ко мне, что я уверила себя, будто у меня вполне выходит роль молодой жены. Будто я достойна окружившей меня сказки!

Будто я не так уж и плоха...

— Ну какой мужик в моем возрасте, без извращенных отклонений, увидит в тебе женщину, м? — продолжает добивать меня муж. — Ты ведь малышка еще совсем. А я дядька взрослый, которому нужна активная половая жизнь.

— Значит я не подхожу... для активной?.. — у меня буквально теряется дар речи от шока. Вот как он видит меня? Малышкой, не соответствующей его запросам?!

— Ну какая же с тобой активная, — он до отвращения привычно трепетно поглаживает мою щеку большим пальцем, — ты у меня такая хрупкая, что я боюсь тебе навредить своим аппетитом.

Значит мне не показалось, что пару раз в месяц заниматься сексом это крайне мало для такого мужчины, как Герман. Но я все списывала на загруженность на работе. А оказалось... точно, загруженность на работе и была виной. В глазах пляшут раздражающие до тошноты пятна. Пытаюсь заставить себя дышать сквозь истерику.

Он всегда был до ужаса нежен и осторожен со мной. Будто я хрустальная. Я — дура приняла это за любовь! А он просто считал, что я слишком мала для взрослых отношений и его «аппетита»!

— Не обижайся, Жень, — сейчас эта его нежность раздражает меня до бешенства. — Я ведь люблю тебя. Но как семью. Как младшую сестренку. Понимаешь?

Я вздрагиваю от этих его слов. Что может быть хуже, чем услышать от любимого мужчины подобное?

Ударяю его тыльной стороной ладони по руке, сбрасывая ее со своего лица:

— Зачем тогда женился на той, в ком даже женщину не видишь? — голос пропадает на последней фразе.

— Ты ведь знаешь, что мне особо не дали выбора. Как и тебе.

Вот как? Значит я с самого начала и до сих пор оставалась для него обузой? Нежеланной и нелюбимой. Навязанной женой?!

А я ведь ему... я ему все отдала! Свою девственность, жизнь... любовь! Как последняя идиотка влюбилась! Это ж надо было такой дурой быть!

Очевидно же, что он никогда не смог бы меня полюбить! Настолько жалкой и униженной я себя еще никогда не чувствовала:

— Что ж, теперь ты свободен, — безжизненно выдавливаю я.

— Не глупи, Жень. Давай ты переваришь увиденное и мы поговорим завтра.

— А ты пока закончишь со своей потаскухой? — вырывается, и я сама удивляюсь откуда во мне силы на злую иронию.

Он хмурится, пожалуй впервые в жизни с трудом подбирая слова:

— Меньше всего на свете я хотел сделать тебе больно.

— Если бы ты действительно не хотел, ты бы не сделал этого.

— Маленькая моя...

— Не называй меня так! — выходит истерично. — Стоило сразу отказаться от навязанного брака, Герман. А не мучить себя, а теперь еще и меня!

— Малыш, ты...

— Отпусти, — всхлипнув прошу, чувствуя, что кабинет приходит в движение от каждого его «малыш».

В голове начинает пульсировать болезненное осознание. Ведь я пришла рассказать ему о том, что у нас будет малыш. И что теперь? Аборт? Только не это. Но как жить?

А как жить, убив собственного ребенка?..

Пятна перед глазами наконец сплываются в единую темноту, и я теряю связь с реальностью...

Глава 2. ОН

Успеваю заметить, как плывет ее взгляд еще до того, как она отключается. Ловлю ее в объятия, и прижимаю к себе.

Признаться, ее обморок был вполне ожидаем. Женечка у меня девочка впечатлительная. Помню, как она отключилась от вида моей крови, хотя там всего царапина была, — огнестрел по касательной от недоброжелательных конкурентов. Поэтому я даже удивлен, что в текущих обстоятельствах она так долго продержалась в сознании. И сейчас я эгоистично вздыхаю с облегчением, потому что она наконец милосердно дала мне отсрочку, чтобы обдумать дальнейшие действия.

Я знаю, что я конченный идиот. Женя никогда не должна была узнать о моих похождениях. Я ведь действительно люблю ее и уважаю. Но не более, как маленькую сестренку, о которой мне вменили заботиться родители. Я был уверен, что она тоже отнеслась к нашему союзу как к неизбежному партнерству и молча смирилась.

Неужели я ошибся, и моя маленькая жена умудрилась в меня влюбиться? Хотя к чему поспешные выводы. У женщин очень обострено чувство гордости и собственности. Вполне может быть, что все дело в этом.

Но ведь Женя отличается от всех известных мне женщин. В ней нет ни гордости, ни здорового эгоизма. Кажется, именно из-за этой ее уязвимости я и перестал противиться нашему браку. Познакомился с ней и понял, что эту хрупкость дрожащую нужно кому-то защитить. И почему бы не мне: жениться мне было давно пора, кандидаток не было, детей я уже готов заводить, а тут такая удобная мягкая кандидатка в жены и матери для моего наследника. Почему бы и не взять. Взял.

Правда детей у нас почему-то так за год и не получилось. Да еще